

П.П. Толочко

Археология и древняя история (в защиту исторического марксизма)

К.: ВД «Академперіодика». — 2007. — 104 с.

Нужна ли исторической науке теория? И какая? Либо строго научная, в высшем смысле слова традиционная, опирающаяся на исторический опыт общества, учитывающая достижения философии прошлого и современности, либо поспешные новомодные построения, сочинители которых стремятся ниспровергнуть существующие историософские постулаты и исходят из политической конъюнктуры и желания во что бы то ни стало сказать и свое слово в сонме голосов теоретиков прошлого и настоящего. Это один из основных вопросов, которые рассматривает в своей небольшой книге П.П. Толочко. Этим можно объяснить будоражащий ум подзаголовок: «В защиту исторического марксизма». Действительно, как ученым-историкам в наше время относиться к марксизму? И не к тому, изуродованному идеологами коммунистической партии СССР и не имеющему почти ничего общего с тем, который выработали в своих сочинениях К. Маркс и Ф. Энгельс, а к марксизму подлинному, не замутненному вульгаризаторами, в избытке присосавшимися к нему, начиная с первых дней создания марксистской теории познания человеческого общества.

Второй вопрос, который затрагивает в своей работе П.П. Толочко, — это соотношение между историей и археологией. Отдельные ли это науки — со своим инструментарием, методикой и методологией, наконец целями, которые они призваны решать, или археология все-таки является частью истории?

Как пишет автор, замысел этой книги родился благодаря написанию и изданию сотрудниками Института археологии НАН Украины «Древней истории Украины» (1997, 1998, 2000), выполненной под его руководством и с большим его участием. Появление этого трех-

томного фундаментального труда было встречено с одобрением и вызвало горячую дискуссию в научных и околонуточных кругах. В связи с ним также оживились новомодные теории исторической периодизации, которыми промышляют, в частности, сторонники концепции так называемого цивилизационного развития человечества.

Мысль о необходимости создания подобной «Древней истории Украины» в свое время высказывал один из предшественников П.П. Толочко на директорском посту, выдающийся археолог С.Н. Бибииков, справедливо рассматривая археологию как сугубо историческую дисциплину. С.Н. Бибиикова поддерживали видные киевские ученые: Ю.Н. Захарук, В.Ф. Генинг и др. В противовес им некоторые ленинградские археологи во главе с Л.С. Клейном рассматривали эту науку как вспомогательную источниковедческую, изучавшую материальные памятники и не посягавшую на исторические обобщения. Написание «Древней истории Украины» преследовало целью воссоздание всесторонней картины древнейшего прошлого, используя главным образом материальные источники, но добиваясь при этом их исторического осмысления.

Вопрос вопросов, затронутый в книжке П.П. Толочко: о компетенции археологии. Должна ли она изучать одни лишь материальные ценности или также общества, их создавшие? До сих пор мнения разделяются. К сожалению, в наше время все больше археологов-раскопщиков, ранее почему-то не помышлявших об исторических выводах и сочинениях, смело и чаще всего безосновательно пускаются в исторические труды и обобщения. Подобные сочинения вызывают разве что чувства недоумения и горечи. Как быть с этим явлением?

С иронией и одновременно тревогой автор пишет об озабоченности некоторых авто-

ров в деле преодоления марксистского толкования исторического процесса, которое будто бы сковывало историческую мысль и давило на ученых. Однако, кроме заушательской критики марксизма, эти писатели не смогли ничего предложить взамен. По-прежнему они заимствуют теоретические положения у К. Маркса и Ф. Энгельса, бесстыдно умалчивая об этом, искажая и примитивизируя мысли этих выдающихся философов, историков и экономистов. Подобное положение вещей П.П. Толочко считает неэтичным и возмутительным, выступая поэтому в защиту марксистского понимания мирового исторического процесса. И делает это лаконично и доходчиво, дабы не утомить читателя, особенно не разбирающегося в вопросах теории.

Главные нападки на марксизм мало сведущих в историософии да и в самой исторической науке авторов сводятся к попыткам опровергнуть теорию эволюционной формационности мировой истории. Постоянно раздаются голоса несогласных с ней (замечу в скобках, наиболее яростно отмежевываются от нее как раз те, кто не так давно слепо воспринимал и безудержно восхвалял ее!). При этом они неспособны отделить собственно марксизм от его догматического восприятия и толкования в работах адептов печально известных представителей истмата.

Между тем, утверждает ученый, невозможно поставить под сомнение главный тезис периодизации истории: *«ни одна общественная формация не погибнет раньше, чем разовьются все производительные силы... и новые более высокие производственные отношения никогда не появятся раньше, чем созреют материальные условия для их существования в недрах самого старого общества»* (К. Маркс).

В книге сказаны добрые слова о заслугах Ф. Энгельса в изучении первобытной эпохи и первобытного способа производства, в делении им первой общественной формации на три стадии: дикость, варварство и цивилизация. Но никакой жесткости оценок и догматизма в таком делении нет. Нет в нем и универсальности. Как думал Ф. Энгельс, на пути развития того или иного этноса вовсе не обязательна стадия рабства — ее не было в истории Древней Руси (существовали элементы патриархального рабства). Сказанное относится и к феодальной формации.

Далее в книге речь идет о тщетности попыток преодолеть теорию марксистского эволюционизма. П.П. Толочко демонстрирует ущерб-

ность и однобокость концепции так называемой цивилизационной периодизации истории, хотя бы уже потому, что понятие «цивилизация» слишком расплывчато, существует множество его определений. К тому же, первые цивилизации в подлинном смысле слова появились лишь в эпоху металла, т. е. огромный, многотысячелетний период истории, включающий Двуречье, Ближний Восток, Египет, Индию, да и древнейшее население Украины до того, как оно познакомилось с металлическими орудиями труда, для «цивилизационной» периодизации исторического процесса попросту не пригодны. В частности, ничем иным, как научной недобросовестностью нельзя назвать попытки некоторых археологов перевести в ранг цивилизаций археологические культуры эпохи энеолита. Да и вообще *«цивилизационное развитие в восточноевропейском регионе, — по убеждению П.П. Толочко, — начинается с эпохи Киевской Руси»* (с. 28). Следовательно, стадия цивилизационного (культурного) развития человечества занимает в его многотысячелетней истории только небольшой хронологический отрезок и уже потому не может заменить марксистскую формационную схему.

Автор убедительно показывает несостоятельность модной в последнее время критики марксистского положения о прогрессивной последовательности исторического развития. Если и критиковать эту теорию, то разве только за внесение в нее не в меру усердными адептами тезиса о ее жесткой закономерности. П.П. Толочко напоминает, что эта теория имела выдающихся предшественников и упоминает книгу Г.Л. Моргана «Древнее общество», написанную во второй половине XIX в.² Морган первым пришел к выводу о стадильности и прогрессивности развития человеческого общества. Его мысли принял и развил Ф. Энгельс. П.П. Толочко иллюстрирует эти мысли собственными наблюдениями над ходом исторического развития славянского общества и его порождения — Киевской Руси.

Важными представляются размышления автора над проблемой соотношения археологической культуры и этноса. С грустью и иронией он пишет о том, что многие наши граждане, в том числе и *«обремененные дипломами историков высшей квалификации, занялись поисками украинца в его нынешней ипостаси в глубли-*

² Единственное, кажется, издание на русском языке: Морган Г.Л. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. — Л., 1934.

не веков». Эти вызывающие удивление поиски, продолжает ученый, сводятся к «элементарному биологизму, последовательному воспроизводству в течение многих тысячелетий новых популяций одного и того же этноса» (с. 57).

Действительно, в годы независимости появилось множество «трудов», сочинители которых обнаруживают поистине девственное невежество и упорное нежелание прислушиваться к голосу науки. Особенно преуспели в этом авторы школьных учебников и пособий, в которых можно прочесть фантастические вещи. Например, по генетическому коду египетские фараоны были будто бы... украинцами. Не избежал этой участи, по их просвещенному мнению, и сам Христос! В действительности же этногенез украинцев принципиально не отличался от этногенеза других европейских народов, прежде всего славянских, как по закономерностям, так и по хронологии этого процесса. Что же касается наших предков, то им предшествовали на территории Украины многие неславянские народы: киммерийцы, скифы, сарматы, гунны, авары, хазары, печенеги, торки, половцы. Но нет оснований видеть в этих народах предков украинцев, пусть и отдаленных. На примере черняховской культуры ученый показывает, что эту, единую в оставленных ею материальных памятниках, культуру создали носители различных этносов: прежде всего, славяне и германцы-готы. Не исключено участие в ее образовании и сармат. Но, подчеркивает П.П. Толочко, в лесостепном регионе нынешней территории Украины черняховские памятники в основном принадлежат славянам.

В последние годы особенно много спекуляций на ниве этногенеза производилось вокруг так называемой трипольской культуры. Воинствующие поклонники трипольцев с пеной у рта отстаивали их славянскую, даже украинскую, сущность (замечу в скобках, что ученых среди этих поклонников как не было, так и нет) и даже угрожали физической расправой археологам, отрицавшим это, — я сам был свидетелем подобной вспышки «праведного гнева» у группы усатых молодых людей, забредших почему-то на научную археологическую конференцию. Отождествление трипольцев с предками украинцев понравилось и некоторым нашим политическим деятелям... Между тем, трипольская культура — средиземноморского происхождения, «ее первоначальное формирование связано с Малой Азией, Восточным Средиземноморьем и Балканами» (с. 62). К

тому же, если следовать логике наших горепатриотов, то получается, что украинцами являются также румыны и молдаване, поскольку памятники трипольской культуры распространены на земле этих народов.

Особого упоминания заслуживает сюжет о хазарах, кочевом народе, судьбы которого в VII—X вв. тесно переплелись с судьбами славян. Хазарское государство в течение этих столетий ощутимо влияло на историю восточнославянских племен и родившегося в конце IX в. Древнерусского государства. Настолько ощутимо, что в исторической литературе недавнего прошлого можно встретить слова о будто бы существовавшей эре Хазарского каганата в истории восточных славян. Действительно, хазары были их близкими соседями на протяжении длительного времени, и это соседство далеко не всегда было мирным. Но утверждения о якобы благотворном влиянии на культуру и экономическое развитие восточнославянской этнической общности являются преувеличением. Об этом согласно свидетельствуют и письменные, и археологические источники. То же самое говорится в книге П.П. Толочко об отношениях славян с венграми в эпоху их переселения в Подунавье и насельниками причерноморских степей печенегами, половцами, торками, берендеями, ковуями и другими кочевниками тюркского происхождения.

На заключительных страницах своей книги ученый вновь возвращается к проблеме «бегства» части историков и археологов от марксизма. С удовлетворением и гордостью за своих коллег он пишет, что археологи «не поддались новомодной конъюнктуре, как, впрочем, не были уличены в этом грехе и раньше, в пору всеобщего поклонения «единственно верному учению» (марксизму). П.П. Толочко объясняет «особую лояльность» ученых-археологов к марксистской теории тем, что они по роду своей деятельности являются естественными материалистами, причем были такими еще до возникновения марксистской теории познания исторического прошлого (с. 99—100). Ведь марксистская историческая периодизация, утверждает он, в сущностном отношении близка периодизации археологической: в первом случае в ее основе лежит способ производства, во втором — орудия труда.

Главный вывод из написанного исследователя формулирует следующим образом: «Сказанное убедительно свидетельствует, что К. Маркс и Ф. Энгельс своим материалистическим пониманием древней истории и ее пери-

одизационным членением в значительной степени обязаны именно археологии, в историческом содержании которой они не сомневались» (с. 101). С этими азартными словами трудно не согласиться.

Сразу же после выхода в свет новая книга П.П. Толочко вызвала большой интерес чи-

тателей, прежде всего историков и археологов. Остается сожалеть о том, что издана она маленьким тиражом, и купить ее невозможно. Но это уж издержки времени, в котором нам довелось жить.

Н.Ф. КОТЛЯР

Надійшла 10.11.2009

D. Anthony

The Horse, the Wheel and Language: How Bronze-Age Riders of the Eurasian Steppes Shaped the Modern World.

Princeton University Press. — 2007. — 553 p.¹

Понад чверть століття Девід Ентоні вивчає походження й соціальні наслідки появи вершництва в західноєвразійських степах. Його новий авторитетний синтез степової археології репрезентує спробу пов'язати появу докорінних нововведень у транспортних засобах і рухливості з поширенням індоєвропейських мов із протоіндоєвропейської «батьківщини» на переважній частині Євразії — від рік Дніпро й Урал (с. 84, рис. 5.1) майже до Західного Китаю. У цій амбітній книзі новітні археологічні відкриття зіставляються з досягненнями в історичній лінгвістиці, аби вирішити «індоєвропейську проблему» (с. 458), що дошкуляє вчешним з кінця XVIII ст.

Книгу поділено на дві нерівні частини: 1) Мова й археологія (глави 1—7) і 2) Відкриття євразійських степів (глави 8—16). Перша частина знайомить читача з галуззю історичної

лінгвістики і показує, як живі мови можна використати, щоб відновити мертві, і як останні можна розмістити в просторі й часі як основу для історичних реконструкцій. Згідно Д. Ентоні, індоєвропейські мови з'явилися винятково як продукт розбіжності, а не конвергенції, з первинної протоіндоєвропейської мови, що майже повністю відповідає моделі генеалогічного або родовідного древа, коли з маленького жолудя виростає могутній дуб. Чи дійсно ця модель працює так, як стверджується? Принаймні, вона набагато простіша за твердження (Dixon R.M.W. *The Rise and Fall of Languages*. — Cambridge, 1997. — P. 47, 97—101), що не виключає запозичення з неіндоєвропейських мов, — момент, визнаний Д. Ентоні в обговоренні синтетичного походження Ригведи (с. 454). За його уявленнями, протоіндоєвропейська «батьківщина» була розміщена в понто-каспійських степах, які сьогодні є частиною півдня Росії та України, і цією прамовою розмовляли там у 4500—2500 рр. до н. е., перед поділом на пізніші регіональні варіанти, як то протогерманський, протоіталійський, протокельтський і т. д.

Друга частина книги значною мірою містить огляд археологічних джерел або фактичні підкріплення лінгвістичної моделі, що її наведено в частині 1, і, як недвозначно визнає Д. Ентоні, «у багатьох критичних моментах» (с. 465) ця лінгвістична модель керує археологічною інтерпретацією, а не навпаки. Така процедура майже напевно означає, що археологічними джерелами послідовно маніпулюють, аби вони

¹ Цю рецензію проф. Ф. Кола на нову книгу проф. Д. Ентоні вперше було надруковано минулого року в «American Anthropologist» (vol. 111, Issue 1, March, pp. 109—111). Зважаючи на сталий інтерес до проблем давнього вершництва та походження індоєвропейців, редколегія журналу «Археологія» звернулася до Ф. Кола з проханням передрукувати рецензію в українському перекладі Я.П. Гершковича і отримала люб'язний дозвіл. В англійському варіанті рецензія має назву «Perils of Carts before Horses: Linguistic Models and the Underdetermined Archaeological Record», що може бути перекладена наступним чином: «Небезпечність возів попереду коней: лінгвістичні моделі та недовизначене археологічне джерело».